И ты боролась прежде, как Израиль, Украина моя

Семен Глузман *Иосиф Зисельс* *Евген Сверстюк*

«Дисиденти. Антологія текстів»

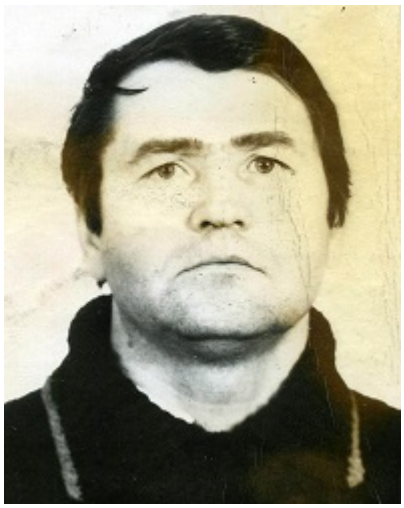
К.: Дух і Літера, 2018. — 656 с.

650-страничный сборник представляет собой антологию диссидентских текстов десятков людей, но мы остановимся на отдельной ее составляющей, а именно — межнациональных отношениях на «зоне» и за ее пределами.

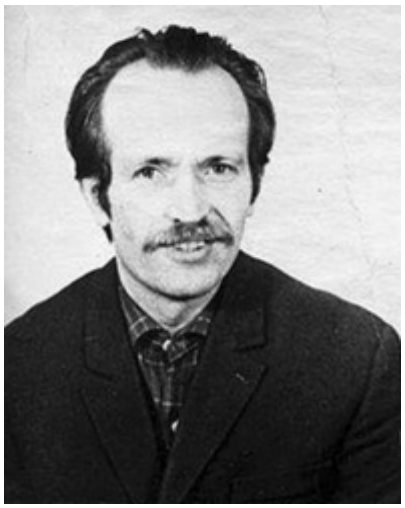
Так, говоря об отношениях украинцев и евреев, литературный критик Евгений Сверстюк утверждал, что нет более щекотливой и опасной темы, чем взаимоотношения наций, поэтому советская власть постоянно пыталась поссорить разные народы. В своем знаменитом выступлении литературовед Иван Дзюба подчеркивал, что хотя Бабий Яр — это трагедия всего человечества, но произошла она на украинской земле. И поэтому украинец не имеет права забывать о ней так же, как и еврей. Однако фашизм начинается не с Бабьего Яра и им не исчерпывается. Фашизм начинается с неуважения к человеку, а кончается уничтожением человека, уничтожением народов.

По мнению еврея-диссидента Иосифа Зисельса, ценности общества отражает отношение не только к человеку, но и к книге. Фашисты и испанская

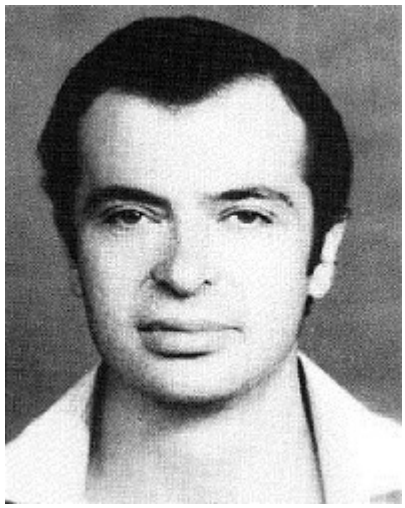
инквизиция сжигали книги, а советский режим тихо и тайно их изымал, лицемерно запрещал. «И только в крайнем случае книга предавалась закрытому суду, как сегодня», — говорил Зисельс в своем последнем слове на суде в 1979 году. Украинский историк, диссидент Валентин Мороз сетовал, что при осуждении преступлений фашизма против еврейского населения все «преспокойно ходят по могильным плитам с еврейских кладбищ, которыми немцы вымостили тротуары многих городов. …По оскверненным именам умерших до сих пор ходят во дворах… Ивано-Франковского пединститута. Ходят кандидаты наук и профессора». Ему вторит Левко Лукьяненко: «…есть и такие, кто распахал тракторами могилы украинских Сечевых стрельцов, срезал электросваркой кресты с могил польских солдат во Львове, а надгробиями с еврейских кладбищ вымостил тротуары, словно в этих могилах лежали не люди, а скот».

Иван Дзюба

Вячеслав Черновол

Борис Пэнсон

Врач-психиатр, диссидент Семен Глузман подчеркивает, что в политических лагерях были люди разных национальностей, вероисповеданий и культурного уровня. Но в целом узники делились на три категории: каратели, «бытовики» и политзаключенные. Каратели — это участники акций против партизан, евреев, коммунистов во время войны. А в зоне, в большинстве своем, информаторы администрации. «Мой дед убит в Бабьем Яру, — пишет Глузман, — а здесь, в лагере, рядом со мной спит человек, принимавший участие в этой акции, а чуть поодаль — душитель восстания варшавского гетто». Украинец Вячеслав Чорновил и еврей — участник «самолетного дела» Борис Пэнсон вспоминали, как бывший полицай Линкин во время Войны Судного дня, радуясь победам (как оказалось, мнимым) арабских армий, так

комментировал ход военных действий: «За что я сижу? Я ведь тоже жидов убивал!»

Парадокс, но подобные персонажи получали поддержку от лагерного начальства. Впрочем, иногда она облегчала режим содержания и для социально чуждых. Из-за отсутствия в пище витаминов многие зэки весной и летом переходили на «подножный корм», делая «салаты» из травы: тысячелистника, лебеды, петрушки. Весной 1973-го в одном из мордовских лагерей офицеры заметили, что еврей Лассаль Каминский кормит свой «кибуц» какой-то зеленью. Агенты донесли: едят настурцию. «Надо немедленно выкорчевать», — проявил инициативу лейтенант Зиненко. «Выкорчевать, конечно, можно, — глубокомысленно рассуждал капитан Дежуров, — но настурция — это все-таки цветы... А вдруг евреи начнут тополиные листья жевать, что же нам — тополя валить?» И настурцию помиловали...

Как украинских диссидентов тогда, так и многих наших современников окрыляет чудо возрождения Израиля, история народа, несмотря на тысячелетия гонений сохранившего свой дух и волю к свободе. Поэтому отношения диссидентов разных национальностей, в том числе украинцев и евреев, иллюстрируют слова Леси Украинки: «И ты боролась прежде, как Израиль, Украина моя». «И ты встанешь вновь, как встал Израиль», — отзывается в наших сердцах.

Андрей Бородий, специально для «Хадашот»